

DRAFT: NOT FOR CITATION
WITHOUT PERMISSION OF AUTHOR

NUMBER 161

THE PAPERSCAPE

A VIEW FROM THE FLAG TOWER OF THE
SMITHSONIAN INSTITUTION BUILDING
AN ATTEMPT AT INTROSPECTION; OR HOW SOME STACK
OF PAPER TURNS INTO A RUSSIAN NOVEL

by Vassily Aksyonov
Fellow, Kennan Institute for Advanced Russian Studies

Colloquium Paper

June 24, 1982

Kennan Institute for Advanced Russian Studies,
Woodrow Wilson International Center for Scholars
Washington, D.C.

What are the very first impulses which lead a writer to write; to start a new novel? Why is some Unidentified Fictional Object turning up in the placid empty atmosphere? The first impulses could be either gigantic or totally insignificant, extending from desire to reconstruct the Universe to mere joy in the play of words.

First steps, first pages of a manuscript, first encounter of the third kind with something still unexisting, with the strange incomprehensible contour of your heroes -- that is really exciting...

In the early fall of 1980 looking into my small archive I succeeded in taking out of Moscow, I came across a thin file on the cover of which one could spot one of the most popular Russian words, жалобы (complaints). It was like coming across a fading footprint of a jock from old times. Enclosed were some copies of the official letters, references, (so called характеристики), notifications, confirmations, (so called справки), but most of all the copies of my own applications (either subdued or poignant and derisive in their style) to various Soviet official bodies -- Writers Union, Litfund, publishing houses, movie studios, the Department of Culture of the Central Committee of CPSU etc., -- protesting the violation of my literary as well as financial rights, the ban of books, of movies, of trips abroad; sometimes demanding something, sometimes begging for something.

I got the feeling that this stuff could be a basis for a new novel; a feeling of the presence of a certain still unmentioned man, more exactly a contour of a man, a Man of Paper in the Paper Land.

Literary links and associations: Man of Marble, Man of Iron, Okudzhava's Paper Soldier, Поручик Кижё, who was created by a bureaucratic error and turned into a novel and later an opera.

Поручик Кижё was created from the papers as a whole, he never existed in flesh at all; meanwhile everybody in the contemporary world has his paper Alter Ego in addition to his flesh, mind and soul.

According to a Buddhist textbook by Svamy Krishnadevananda there are three states of a human being -- physical body, astral body and soul -- that were created by God Almighty. Ironically, side by side this creation a sort of dull imitation exists, a paper state of Man, created by The Empire. Does it contain some tiny particles of cosmic energy or not?

Well, since then I got a very vague perception of my hero. The first motion of Mayakovsky's тухлая вобла воображения, stinking dried fish of imagination, so to speak.

At that particular time I had just started another novel with the title Say Cheese, a story about photographers; therefore I had put aside these paper ideas till a more convenient time. I could easily lose a whole image of this would-be-novel if. . .

. . . by the way, what sort of image had I? . . . nothing is distinct, everything is diffuse. . . gray breezy spring or autumn day wind, empty blocks of official buildings, long black overcoat, gusts of wind. . . once

again it was the emotional impulses, rather than the reasonable ones. . . the last thing I wanted to do was discover Soviet bureaucracy, blame it, appeal to it for something...

. . . So the entire idea would have been lost if another idea had not been born, the idea of a Fellowship at the Kennan Institute. In short, I decided to apply to the Kennan Institute with the idea of . . . what? First of all, I've got to think up a title. Well, for the first time in my entire life I thought up a title of a book-to-be in English - The Paperscape (Бумажный пейзаж). I had not yet realized that this title betrayed a little my starting impulses, broadening the frame of the plot - Landscape, Seascape, Paperscape - a hero was becoming more and more an allegorical figure in the allegorical dimensions of literature.

However, who is he? In particular, what is his occupation? I overcame a first temptation to make him a writer, because I felt it wasn't my own story at all, I should distance this fellow from myself as far as possible. What if he were to be an actor? An actor, an unsuccessful one, who once upon a time realized that he got from life nothing of what he deserved. No, that's the wrong idea: an actor is a prominent person in Soviet society. Russian literature traditionally gives voice to the Little Man (маленький человек), a new Akakij Akakievich; so he is an automobile engineer, he works in a lab, in the pistons lab, indeed his name is Velosipedov. . .

II

However, why is he to be an engineer, particularly an automobile engineer? Try to follow the tracks of imagination to answer this question.

You are walking down a certain Moscow street along with a shadow of your future hero. This street is situated in an area you inhabited for a very long period of time. Exactly on the corner of this street you have seen his long black overcoat and his long straw colored hair, blown back by gusts of wind. Exactly on this street people from numerous cooperative apartment buildings are hunting for taxi-cabs; writers, movie-makers, circus jugglers, ballet dancers. . . Avenue Parvenue. You go further and see the huge heavily constructed pompous building of The Moscow Automobile and Highways Institute (МАИ). It seems we have found an answer and now we can presume why Mr. Velosipedov is an automobile engineer.

One thing is still unclear: Why is he supposed to be Mister Velosipedov rather than Ivanov Petrov Gimmelfarb? Velosipedov is a good name of course; it appeared in Russia two hundred years before the bicycle had been invented, but why put it down in your manuscript? That is still unclear. . .

III

From the very first steps of his heroes, a writer faces a so-called "process of insubordination." The hero refuses to follow the author's intentions; he strives for independence, or at least for autonomy. He accepts the long black overcoat, the long thin straw-colored hair, but he refuses to be a family man, burdened by kids, quarrelsome mother-in-law, nervous wife, despotic grandfather with a great Stalinist background. Our character preferred to be a bachelor.

You don't understand why you definitely perceive that Mister Velosipedov is a bachelor indeed, until in downtown Washington you run into his girlfriend.

She is a girl not older than twenty and she looks undoubtedly like an object of Mister Velosipedov's desire and what is most amazing, she is riding a bike, i.e. velosiped!!! Велосипед itself!

What a great guess! That's why you gave him this name! You foresaw the appearance of this dashing rider with her strange engineless machine.

Между Лермонтовым и Пушкиным

Зовут меня Игорь Белосипедов. Можно просто Игорь. Публика обычно думает - какая современность! Спортивное динамичное сочетание, звучит просто как псевдоним, ~~что~~ даже вспоминается из советской поэзии, но ведь вы, кажется, не певец?

Публика, увы, становится жертвой недоразумения, моя нечастая фамилия таит в себе, как это ни странно, настоящую историческую неожиданность. Боюсь, вы удивитесь, узнав, что эта фамилия появилась на Руси по крайней мере за двести лет до изобретения велосипеда. Эта латинская фамилия принадлежала лицам духовного звания и переводилась очень просто - Быстроногов. Белоси, с общего разрешения - быстрота; пед, к общему сведению, нога, ступня, товарищи.

Быть может был когда-то в древности какой-нибудь легкий на ногу служка, которого посылали за... ну, за чем-нибудь важным, ну, а прапрадед мой пел дьяконом в соборе города Вышний Волочек еще в начале XIX века.

Если что-то хронологически тут не сходится, добавьте по своему вкусу еще хоть пяток "пра"; не поверите, не обижусь. Ни к каким записям вас не отсылаю, а если сами на что-нибудь натолкнетесь, будьте осторожны - бумаги нередко врут.

Верьте братцы, никакого у меня нет чванства в связи со своей старинной фамилией, и вовсе я не торчу на этикетных модных нынче "поисках корней", а вот просто иногда засасывает некоторая тоска отчуждения и начинается что-то вроде стихийного недовольства отдельными шероховатостями нашей в целом-то интересной жизни.

Когда народ восстанет, он прежде всего уничтожит различные архивы и картотеки и восстановит более натуральные связи между людьми - мимику, жестикуляцию, игру глаз, в конце концов - язык.

При слове Белосипедов многим приходит в голову период Реконструкции а ведь это неестественно, другие конечно же воображают начало века, большие трисиклеты, это уж, виноват, просто примитивно. Простите, совершенно не понимаю некоторых молодых особ с их бесконечным и дозволено

утошительным ерничаньем, их прыжки и ужимки — месье Белосипедов, месье Белосипедов! Ну, что это за обращение? Нельзя ли просто Игорь?

Ну, что в этом остроумного, или там обидного, оскорбительного? Ведь если бы я, предположим, жил бы в Париже, меня бы так и называли бы — месье Белосипедов, с ударением на последнем слове, пардон, слоге. Может быть что-то есть смешное, обидное, оскорбительное в словечке "месье"? Вот, скажем, есть у нас некоторые женщины, которые общаются при вежливом обращении "мадам" — какая я тебе мадам?! — вплоть до вызова милиции, как будто ее проституткой называли, а ведь это просто, товарищи, получается так из-за невежества. Ведь для французского населения и мадам и месье обычные обращения, когда-то они и у нас употреблялись, когда-то и у нас, товарищи, они употреблялись, не все были товарищами, различались помы.

А ведь тех молодых особ, которых я имею в виду, тех, что употребляют мое имя в порядке глупого юмора, невежками ведь не назовешь.

Не от того ли я так по-страшному заборзел?

Вот вообразите, сто лет назад, в 1673, в разгаре царской реакции, встречаются в Петербурге два каких-нибудь, Белосипедов и Добролюбов, так ведь ничего же в самом деле не возникает же постороннего, ведь все протекает, можно сказать, вполне естественно, просто встретились друг с другом Быстрая Нога и Любящий Добро, вот и все, не так ли?

Но от чего же все-таки я той весной так по-страшному заборзел?

Однажды... в субботу это было... Вот, господа, прошло что-то около десятка лет с начала этой истории, я сижу в кресле с отклоняющейся спинкой, человек в очках с меняющимися линзами и некоторыми дефектами слуха и пытаюсь вспомнить простейшую вещь — в субботу ли это было? В субботу ли? Казалось бы никакого значения не имеет день недели, а вот почему-то упорно цепляюсь — нет, не в пятницу, не в пятницу, не в пятницу!

В Пятницу-то как раз, как обычно, подписав все пятнадцать копий акта поршневых испытаний, Белосипедов ушел из лаборатории ровно в пять, по

IV

Okay, she (Fenka Ogarysheva) is twenty, Mister Velosipedov is thirty, ten years of age difference, and all our events have taken place about ten years ago, in 1972-73. You do not yet realize why you chose this particular period of time -- "the stinking fish of imagination" is still lazy -- however you foresee again that something will depend on that.

Well, next -- who is Fenka? A student, of course. Student of what? You are trying to recall the twenty year old girls you met recently. Alas, not too many and most of them from your son's gang, hence most of them are students of art. That is not a bad idea -- to make Fenka a young artist!

One of those girls you recalled wore an old fedora hat, which belonged to her boyfriend's grandfather, a former Soviet spy in London. That is great; thanks to an old fedora hat we have Fenka's people around and she herself turns out to be the daughter of a Soviet diplomat. She is taking care of their Moscow apartment, while her parents serve the State in distant Brazilia.

Typical thing: the children of prominent Soviet officials are mostly western oriented young people, they used to disdain their parents way of life as well as their totalitarian state of mind. No wonder that Fenka and her friends had been so enraged by Mister Velosipedov's first letter to Brezhnev, in which he asked for a very tiny slice of the Soviet pie. They were particularly upset by his participation in the so-called "open letter" in the Party newspaper, Truth, blaming Sakharov and Solzhenitsyn.

Бледное и нагое

Однажды я захожу к ней /без звонка, ключ сохранился от прежнего счастья/ и что же я вижу в "ливинговой"? За столом королевский остолог Валиша Стурни, и его моя девка кормит отбивной котлетой.

Все, как раньше, как в былые недели, когда-то со мной - с куплетами, с прилопываньем, с пританцовываньем кружится Женька вокруг лошадиной немитой твари, и она, то есть тварь, то есть он, Валиша, охотно и запросто поглощает неплохую, явно не магазинную, а скорее всего даже не базарную, а "березовую" отбивную, и вот на пороге, как Статуя Коммодора, грозно встан оскорбленный Белосипедов, немая сцена!

Взгляды наши пересекались. На кухне свистел чайник. Полное отсутствие "дшазовой скрипки". Женька пожала плечами и засвистела что-то, глядя в окно. Стурни, вспомнив, что из королей, задрал свой посполской рубильник. Вот, между прочим, хорошая тема для дискуссии в "Комсомольской правде" - Гальские дворяне и короли, появившиеся среди советской молодежи, не результат ли это определенных ошибок в воспитательном процессе, не приведет ли это нас к "социализму с человеческим лицом"?

Я повернулся, как на военном параде, левое плечо кругом. Изношенное и головокружение, схватился за притолоку, опомнился на улице, кричал грачиний грей.

Через час, когда добрался до дому, был звонок.

- Ну, что ты, Белосипедов? - глухо спросила Евросинья.

- Приезжай ко мне! - закопился я.

- Нет уж, - отказала девка, но потом добавила. - А ишь же просто так, Валиш сейчас на Патриаршие Пруды.

- Это где? - растерялся я от счастья.

- Ты что, Булгакова не читал? - спросила она.

И признаюсь, я просто-напросто завопил:

- Да как тебе не стыдно!? Ты во всем мне отказываешь, Евросинья! Почему же это я Булгакова-то не читал!? Ты думаешь, Ленка, что только кино-вне мудилы из Алой и Белой Розы все читали!? Нет читал! Чита^А! Я современный человек! Я вижу действительность панорамно! Понимаешь? Панорамно!

И вот мы сидим с ней вдвоем на скамейке около пруда, как будто "Бедная Лиза" писателя Карамзина, сентиментальное направление.

Разумеется, у девки все направлено на внешний эффект, и добивается своего: бабки, гнездящиеся вокруг пруда злобно шепчутся, пальцами тычут в ее сторону, видимо трудно перенести вторжение молодой особы с напisyю на штанине "Тихе, мыши!", в куртке, расшитой военными пуговицами, и в мужской пляске времен ~~Великой~~ Мирового Экономического Кризиса, которую Ванюша Шипленко забрал у своего дедушки, отставного советского пioniа на Нью-Йоркской фондовой бирже.

- Ты совокупляешься с Балишей, - гневно сказал я.

- Бил грек, - вздохнула она.

- Ты хочешь сказать что!? - вскричал я.

- Вот именно, - кивнула она.

- И Ванюша тоже? - спросил я.

- Ну, а как ты думаешь, Белосипедов? - улыбнулась она.

- Может быть и еще кто-нибудь? - возопил я.

- Может быть, - она развела руками и пожала плечиками.

- Кто, кто?! - прился я, разрывающий сладкой мутой, от каждого ее признания все больше огня собиралось в чреолан.

- Ну, мало ли кто-о-о, - протянула она, округлив своей алый рот. - Ну, на-

стер мой, например.

- Как! - я даже подпрыгнул на скамье. - И старая обезьяна тоже?!

- Ну, а как же ты думаешь? - в позе оскорбленного достоинства спросила она. - Старый, знаменитый, передает свой опыт, как же можно ему не дать?

Я молчал, сжигаемый своей еженощной мукой.

- Увы, - проговорила она. - большой нищий спрос на эту штуку, - и положила себе для наглядности ладонь между ног.

И слегка зевнула.

И в этот момент в глубине кадра, за путаницей ветвей, в этой булгаковско-карамызинской литературе, возникает и останавливается такси, словно осуществление могучего желания, не вполне реальное, но видимо способное перенести нас туда, куда... Такси! Такси! - я помчался к решетке сада.

Бензика уже шла за мной - шляпа набок, в зубак сигарета, пожимала плечами, разводила руками; вот, мол, вам, пожалуйста, что и требовалось доказать.

Когда мы уже намучили друг друга до полного измождения и лежали неподвижно-нагие на моей холостяцкой тапте, в комнату из-за стены проникла классическая музыка; не исключено что под ее влиянием снова возникло мое оскорбленное:

- И все-таки! Как могла! Ты! Ему! Отбизнур!

- Отравиноккий! - сказала она, пальцем упираясь в стену. - Отравиноккий - это класс, а Белосипедов - это говно.

Она приподнялась на локте и стала ладонью покачивать в такт Отравиноккому.

- У тебя, конечно, Белосипедов, момент заклęcia потрясающий, просто, буж-буж, как извержение Везувия, но, увы, в человеческом смысле, ты - полный

ноль.

- Это что же?!

Я теперь стоял у стены, хоть и нагой со всем своим отвисшим хозяйством, но со скрещенными на груди руками. Кажется, сильно горели глаза.

- Это, значит, из-за "Честного Слова"? Из-за открытого письма деятелей общественности? Что же, Ефросинья, из-за Сахарова-Солженицына, так получается? Из-за желтого клочка бумаги, куда близкий тебе человек попал по полнейшему недоразумению? Что, Ефросинья, на камне что ли выбито это дурацкое письмо, на мраморе, на благородном что ли металле выгравировано? Кто помнит, Ефросинья, эти б газетные пузыре на следующий день после использования в сортирах? Ведь просто же ж мукулатура ж, хоть и миллион- и тиражами! Ведь то, что ты позором-то полагаешь, ничто другое как труха, мадмуазель, а человеческая-то личность вот она, перед тобой!

Тут я как-то непроизвольно и трагически рванулся к любимой девке, но остановлен был ее смехом, резким, как "дизазовая скрипка". Видимо при порывистом движении потнулось в сторону мое хозяйство, вот и причина и смеха у бездушной молодежи.

Уже в дверях, в нахлобученной шляпе и с сигаретой во рту, она подвела итоги:

- В общем, Белоусов, заочешь прокачать систему, бух-бух, звони.

И была такова.

Полночи я маялся. Дурманом сквозь полусон наплывали тексты резолюций и призывов, выделялись принты больших советских орденов. Наконец, не выдержав и набрав ее номер.

Step by step you begin to assess the virtues of your main character. He is: sincere, a fool, quick to take offence, honest naive, as gullible as probably Voltaire's Candide was, nothing special, a typical product of Soviet life, one of those hundreds of thousands of Moscow kids with their confused mentality, with their metaphysical respect for The Great Patron of the Empire, for Big Brother or Big Mother, and with an anger without an object.

From time to time you even feel with consternation that this creature belongs to the chaotic Universe rather than to human society.

Gradually, you begin to realize that your first plot of the paper world and paper people is making way for something, probably more important.

Yes, Igor Velosipedov is preoccupied by the bureaucratic spree around. Dreaming his typical Russian Manilov's dreams, he envisions a world without papers, he is directing the exciting scenes of all-people rising up against nobody knows whom, but that becomes just a part of your general idea, as does the scrutinizing activity of the secret police, which creates its own image of Velosipedov: a dangerous troublemaker with a suspicious background, an anti-socialist element.

You find your hero and other characters inside a world without any substantial spiritual links, a world where they (despite numerous severe restrictions and para-military discipline) are almost anarchic, where they actually are not ruling anything and

А когда Валера Банишевский провел третий гол в ворота югославского противника, а Коля Рудаков, наш славный герой, отразил одиннадцатиметровый, на трибунах началось братание и хоровое исполнение "Варяга". Повсеместно выражалась такая основная мысль - во, дали! Болельщики хохотали, подпрыгивали, обнимались и даже делились "Солнцедаром" - во, дали, мужики!

Один клиент, рядов на десять выше нас, оказывается прошляпил исторический пенальти - водку делил, сосредоточился - и вот теперь ^стребовал повтора, матом апеллировал в пространство, как будто кто-то его обманул за его рупь сорок. Вокруг ему популярно объясняли, что это здесь не телевизор, а живой футбол и обратно за те же деньги ни югославский бомбардир, ни тем более Коля Рудаков не будут корячиться.

Мужик, однако, продолжал базарить, кричал, что обязательно будет повтор, иначе, какой же футбол без повтора, а в это время наша героическая защита мощно играла на отбой, и особенно отличался грузинский конь Муртаз Хурцилава, а "юги" заметно уже скисли, уже не отыграешься, время идет, и историческая победа приближается, тут кто-то зопящего клиента пихнул вниз, чтобы не думал, что от стекольщика родился, ну и покатился хмырь по головам вниз, все хохочут, пока ни рухнул на колени майору Орландо, где сразу же и заснул, финальный удар гонга.

Майор Орландо, или, как мы уже его запросто называли, Густавчик, заботливо подложил спящему под щеку пачку газет, а в карман плаща сунул бутылку "Кубани", где еще оставалось не менее ста десяти граммов напитка.

- Это наш клиент, - объяснил он. - Я лично знаю его в лицо. После матча здесь соберут бутылки, он проспится и будет иметь чем привести

себя в порядок.

Ну, вот, а говорят еще порой о зверствах органов милиции, когда налицо такая человечность.

Все вокруг, весь московский мужской класс пролетариата и интеллигенции, был, спускаясь с трибун, очень добр. Обращая внимание на спящего клиента, никто не пхнул его ногой.

- Во, товарищи, гляди, мужик добился своего, повтор пенальти смотрит, - так неплохо шутили болельщики в этот день славы нашего спорта.

- Какая могучая человеческая масса, - задумчиво проговорил Густавчик, и мы со Спартакком его отлично поняли.

Иностранцам может быть это и странным покажется, а вот русскому человеку трудно расстаться, когда их трое, даже если один испанского происхождения. Возникает предложение двинуть в ночной бар "Лабиринт", что на Новом Арбате.

- Да кто нас туда пустит, - усомнился Спартак, - там такая кодла денежная гужется, куда нам, там грузины только за вход швейцарам по полсотни на рыло отваливают, что ты хочешь, не Европа, единственный ночной кабак на всю столицу, Организация наша следит за моралью, падла такая, а ребята говорили, ничего там нет особенного, стол, стул, сиди и киряй.

- С тем же успехом поехали ко мне похоровадимся, - предложил я, вспомнил тут свою воображаемую подругу и захотелось похвастаться. - Есть между прочим знакомые в Комитете Советских Женщин, если конечно в данный момент не за границей. Жгучие брюнетки интересуют?

- А где же горячего достать для твоих брюнеток? - продолжает канючить Спартак. - Все уже закрыто, нигде ни хера ни купишь, вот какую жизнь

Капитолина Васильевна Онегина, вот почему я ненавижу колхозную систему и другие пережитки сталинизма. Нам надо вместе бороться за высокую мораль коммунистического общества. К сожалению нам не выдают патронов, практически несем службу без боезапаса. У меня жена и двое детей, но если по-холостяцки у вас завяжутся какие-нибудь милые знакомства, просьба о майоре Орландо не забывать.

Какой же это был чудесный день! Все, казалось было создано для национальной победы и восстановления дружбы. Кучерявые облака над стадионом как будто слетели с какой-нибудь старинной гравюры, и даже ~~там~~ подразумевались с купидончики, с победными горными /бедный наш город, как мало над тобой пролетает этих веселых существ/, и даже, когда вдруг солнце заиграло рыжим огнем, почудилась мне в небе Фенькина мордашка, сморщенная в приступе катастрофического юмора.

Давай, бей! Вперед, резче! Давай, давай, давай! - все рты вокруг были открыты в одном, общенациональном порыве - давай!

Если бы всей этой массе людей раздать оружие, какие получились восхитительные повстанческие кадры!

В перерыве, уже при счете 2:0 в нашу пользу, майор Орландо раскрылся еще одной стороной своего дарования - стал изображать тромбон и прогудел в хорошем стиле несколько вещей из джазовой классики ко всеобщему восторгу окружающих.

are not ruled by anything, except for police. They are almost infants. Like blind kittens they approach each other with the aid of nothing but smell. The chain of events has no ground in logic. The puppets' strings have got tangled.

And then at a certain moment you realize that your first goal is to find a line of composition in this existentialist world of absurdity.

VI

First of all in writing a novel you have to enlist a crew of characters. I can compare this enlistment to wandering inside a huge apartment house in search of your friends' homes; numberless doors, but you lost the numbers you need or you never knew them. You, a meddlesome visitor, can't count only on your luck; skillfulness is also required. You will reach your goal, if the cast you eventually find can cooperate with you and with each other -- can play their own game rather than submit to you.

Over and over again, from their very first steps your characters surprise you. Actually you cannot predict how they act even 10 pages ahead. Sometimes you find yourself in the position of the spectator. On every other page the characters are able to change their habits, relative links, nationality, not to mention points of view and general outlook.

Take an example -- a militiaman -- Major. . . Major. . . what's his name? What's his name? ... His name is Major Orlando. How did that come about? A Moscow cop with a Spanish name? I can not explain why I chose this name, but I loved it. It sounded funny and compact - Major Orlando, a Soviet cop. I decided to take pains to justify this name and all of a sudden I realized that it didn't need any justification. As long as Major Orlando was brought into the Soviet Union among those Spanish children, who were deported during the Spanish Civil War by the Communists.

That was what happened to baby Gustavo Orlando (Moscow friends call him Gustavchick) in Barcelona in 1939. Alas, when he was found by his parents in 1974 (at the age of 36), it turned out that his parents were not comrades at all, just the other way around they were devoted members of the Phalangists Party, the faithful Spanish followers of the world's limited number of generalissimos.

VII

Independently from each other, two spinsters appear on stage: Adelaida (a powerful First Secretary in the office of the Third Secretary of the District Party Committee in charge of Culture and Art) and Agripina (a typist whose field is preferably Samizdat dangerous manuscripts). It is hard to overcome a temptation to make them sisters; what's more -- twins, go further -- twins of one egg. No doubt, they succeeded to seduce you and became identical twins.

A young lazy-bones Valiusha gets a last name Sturin, which sounds similar to the royal family of Stuart. That happens because this young loafer was self-confident and slightly arrogant and preoccupied by his roots. He forced the author to recall an old story about one branch of the Stuart's genealogical tree, which disappeared in Pskov or Novgorod or elsewhere in Russia and has been transformed into Sturin and produced a lot of offspring among Soviet kolkhozniks, workers and intelligentsia.

In the first quarter of the novel, on Kuibyshev Street in downtown Moscow, close to the Central Committee of CPSU compound we spot a hobo with a galosh on his one foot and a basketball shoe on the other. In addition he wears a jacket of the so-called "students' construction teams" with the sign "A flamboyant guitar." He looks a little bit out of place near the main fortress of Marxism-Leninism and that is the only reason why we paid attention to him. This guy is supposed to be just an episodic character; however after a hundred pages unexpectedly he springs up again and turns out to be a discharged film director, who like Velosipedov himself is obsessed by the idea of a great revolutionary movie.

A ballet dancer Sasha Kalashnikov looks like he and Misha Baryshnikov could have been nursed by the same woman (milk brothers), but unlike this superstar he suffers from a mild rheumatism. Sasha is grateful for his illness, since he takes pains not to defect from the advanced Marxist society to the decadent West. The rheumatism slightly hampers his prodigious jumps and leaps, therefore he maintains the principles of socialist realism.

To my mind, a writer should avoid a direct description of so-called prototypes, he should as often as possible recall Picasso who first dared to depict two eyes above one cheek, and follow suit.

Эфир, дом Зевса

Саша Калашников никогда не жаловался на легкий ревматизм, несколько сковывавший его прыжки и батманы. По сути дела недуг этот играл, пожалуй, благую роль в его балетной карьере: не будь ревматизма, знаменитые Калашниковские прыжки стали бы черезчур знаменитыми, могли бы даже принять характер чего-то над-реального, то есть могли бы нарушить реалистические традиции отечественной хореографии.

Вот сегодня, например, суставы почему-то совсем не ныли, ну, и забылся Саша, заскакал вне традиций, не-реалистически, зависая иногда в воздухе с явным преувеличением и мелким перебором ног позволяя себе еще и еще набирать высоту, а то время как вроде бы давно уже пора опускаться.

Публика уже и писать кипятком устала, уже и не вопила даже, а только лишь тихо стонала в ошеломлении - семейный советский балет на глазах прерасался в чуждое и желанное, в авангардно-буржуазный модернизм.

- Ой, сбежит, - с определенной тоской думал, наблюдая Калашниковские прыжки, секретарь парткома Большого Театра тов. Малый, по номенклатуре приравненный к секретарям гигантских Московских райкомов. - Потенциальный невозвращенец этот Сашка проклятый, хоть и секретарь нашей комсомольской организации. Да и как не сбежать с такими прыжками выше уровня мировых стандартов! Что он у нас имеет, и что он там будет иметь! Я бы и сам сбежал, если бы там кому-нибудь нужен был секретарь партийной организации оперно-балетного театра.

После спектакля Саша Калашников, сидя в грим-уборной читал "Под-

нятую целину". Немало усилий он прилагал ежедневно, чтобы доказать даже и не полнейшую благонадежность, а самый настоящий животворный советский патриотизм, и все-таки всякий раз как отпускал ревматизм и прыгучесть выходила из-под контроля, весь театр смотрел подозрительно - не может быть, чтобы Сашка не подорвал на ближайших же гастролях.

да ведь это же ничто иное, как просто вы-тал-кива-ние, - сокрушался Саша и жаловался какому-нибудь своему товарищу, и товарищ, не обязательно даже и стукач, а просто самый обыкновенный дружок, сочувственно кивал и спрашивал: а а ты, Саша, и в самом деле не "намылился" еще?

Да как же можно без родины-то!? Саша горячо начинал осуждать всех балетных беглецов - вот увидите, без родины их талант засохнет, вот увидите, окажутся пустоцветы, да как же можно русскому-то человеку жить без этого, без великого нашего праздничного, могучего и свободного, без поля Бородинского, без снежных просторов, где пращуры с соколами охотились, где Кони Клодта бились... чьи кони?... что делали?... да-да, не поймаете, кони нашего барона Клодта бились и застыли в бронзе над исторической Фонтанкой, как же можно без этого?

Не горячись, Саша, не пережимай, говорили ему друзья, улыбаясь. И Саша прямо в отчаяние приходил - чем доказать, что искренне люблю родную землю? Прямо хоть в партия вступай, и вступил. Активность коммунистического сознания развил в себе артист до самой высшей степени. Даже анекдотов о Василии Ивановиче Чапаеве и ординарце Петьке чурался. Даже Шолохова начал по второму разу читать, заучивал даже Евтушенко, и все тщетно - не верил ему народ.

Невеселое из-за этого возникает настроение, думал артист, сидя в

грим-уборной после спектакля, не способствует это творчеству, ей-ей не способствует.

Вдруг послышалось:

- Сашенька, дорогой!

В грим-уборной без стука появились две мимиры на одно лицо, а за ними двигалась какая-то бледная тень, спирохетоподобный молодой человек.

Вот, подумал Калашников, разве там к звезде моей величины могли бы так, без стука? Уж не менее трех телохранителей наверное ходят постоянно за Рудиком Нуриевым, не менее того.

Подумав в этом направлении, комсорг Большого театра конечно устыдился своих мыслей и вскочил навстречу вошедшим с протянутой рукой.

- Здравствуйте, товарищи!

Как вдруг...

- Ну, Саша дорогой, заслужил, заслужил ты сегодня хорошего поцелуя, - сказала одна из мимр, головная, и без всякой подготовки жесткими скукоженными губами впиалась в нежную щеку артиста.

- А я вот не осмелюсь так запросто гения в щеку, - сказала вторая мимра, на первый взгляд вроде бы точно такая же, но на второй взгляд много приятнее, почти терпимая, едва ли не привлекательная. - Какой вы, Саша, гений, поистине гений! Вы сегодня просто покорили весь зал, а лично моя душа витала в небесах!

Как-то не по-нашему говорит, с опаской подумал Калашников, уж не оттуда ли?

- А вот этого не нужно! - строго поправила первая мимра вторую. - В захваливании, в куптье личности Саша Калашников не нуждается.

Back to our main hero, Igor Velosipedov. In spite of the fact that he is considered the center of events, he hardly realizes what is going on around him. I am not sure that anybody does: the events follow one another without any sense of reasonable succession, without visible composition whatsoever.

Here is a list of events which are taking place regarding Igor Velosipedov.

First letter to Brezhnev, asking for permission to visit The People's Republic of Bulgaria.

Arrest for attacking a newsstand with the newspaper Truth. Sentenced for 15 days in jail. Released by Major Orlando after a bribe of 25 rubles.

Appearance of mythical Khanuk, a chairperson of The Committee of Soviet Womanhood of Socialist Republic of Armenia.

Second letter to Brezhnev, demanding all human rights for all people, withdrawal troops from Czechoslovakia, restoration of Tartar Republic in Crimea and cancelling all previous requests.

An encounter with philosopher Yakov Protuberanz.

Confrontation with one Somalian diplomat.

Fist-fighting in the night-bar "Labirint".

A miraculous discovery of a big smoked fish, dropped by somebody in the heat of a Moscow night.

Hit on his head by a steam iron wrapped in an old issue of the newspaper Truth.

Running down this list of events one can assume that the main force which leads the entire novel is a logic of chaos.

Meanwhile we are coming to the conclusion of the novel. We are preoccupied by some possible ways to finish.

As a rule, a Russian novel is a little bit exhausting to the end; however the Russians are shrewd enough to turn this obvious weakness into a sort of peculiar style: the diffusion of Russian prose, absence of anything definite, half-notes, subtle tints, drizzling, sneezing, coughing, a Lady with a Little Dog, foggy prose... a foggy day in Moscow Town. . .

Then you find yourself caught off guard by a feeling that you've never written those "Russian novels" and this one should not be completely "Russian" and hence it requires something more energetic.

Ten years in prison have dropped out of our tale and now in 1982-83 we find Mister Velosipedov in "Jumbo Jet" approaching the JFK Airport in New York City.

Everybody is in New York, all our cast moved out of the Soviet Union to the United States, including even Party veteran Anna Svetlichnaya who once attacked Velosipedov with her iron wrapped in an old issue of the newspaper Truth. Not to mention Fenka Ogarysheva, who became a famous artist and beauty and lioness; she is 30 and in despair.

One of the Moscow idlers, Vanyusha, became an editor-in-chief of a Russian literary magazine.

Major Orlando is a bodyguard.

Philosopher Protuberanz is a cab driver.

Colonel Shevtushenko is on welfare.

Etc, etc, etc. . .

No wonder Velosipedov is following all the others.

What's that? Is it reality, or a dream in the labor camp's barracks? There is no answer.

The final scene takes place on Union Square in Manhattan.

Igor Velosipedov, pantless and masked, and his love, Fenka; a tire of her "Silver Shadow" is flat, one of her naked shoulders is yellow, the other one is green.

She sobs with a great sorrow for her first teacher, a Stalin flunkey, a Khrushchev flunkey, a Brezhnev flunkey, an old artist who once raped her when she was a sixteen year old girl, and who she learns has died in Moscow. She sobs fiercely for the Soviet Union itself, because its time is running out.

He tries to console her, puts his arm around her shoulders . . . no words. . . no thoughts. . . the patches of flame and darkness. . .

And finally we can assume that this light-minded frivolous story is sad, rather too sad.

Я дошел до Юнион Сквера и там присел на краешек заплеванной лавки. На ней ужинали два черных бича. Они оставили мне почти полный пакетик Френч Фрайз и полтибука кетчупа. Я ел и думал: почему моя родина обошлась со мной столь жестоко, почему так свиреп был прокурор, что же Брежнев-то, выходит писем не читает?

Над площадью доминировал старинный небоскреб "Утиг". Ну, и эстетика! Девятнадцатый век здесь в Америке был, кажется, отчасти безобразен, а с началом Двадцатого, увы, вообще полный провал. Вдруг до меня дошло — вот чего мне здесь не хватает в Америке, начала Двадцатого века, того самого позднего пред-катастрофного Петербурга... Странно, вроде бы на флг русским все эти модерны, ведь мы же не-европейцы, а вот когда в Америке оказываешься — не хватает...

Вдруг женское лицо бросилось мне в глаза, голубое и зеленое. Это было Бенъкино лицо. Оно бросалось мне в глаза, но на меня не смотрело. Плоское лицо с афинской тумбы не взидало ни на кого и ни на что, да и вообще глаза у него были слепыми, как у античных бюстов. Вдруг в затихающем объеме Юнион Сквера увидел я множество этих лиц на разных расстояниях и в разных плоскостях. Слозбно соединенные невидимыми нитями кристалла светились повсюду желто-зеленые пятна. Тут я вдруг заметил, что я и еи-то на этом лице, потому что те два щедрых бича как раз и ужинали на сорванном плакате с ее лицом и с уцелевшими буквами EXHIBIT .....

Почувствовав жжение в спине, я обернулся и увидел за садовой решеткой слегка скособооченный рольсройс "Серебряная тень"¹⁷, передняя левая — флет, подозрительный дымок из радиатора. На подножке машины сидела Бенъка и плакала назрыд. Лица не было видно, оно уткнулось в подол бального платья, я узнал ее голые плечи, они тряслись от рыданий. Желтая мука была нарисо-

вана на одном ее, все еще девчоночьем плече, зеленая на другом, таком же. Повторяю, хотя не знаю, кому нужен этот повтор, оба плеча содрогались. Я перелез через решетку и подошел к ней.

- Велосипедов, - пробормотала она, - я узнала твои ноги.

- Что ты так плачешь, Фенька, что стоят твои слезы, зачем ты сердце-то мне разрываешь?

- Он умер, - захлебывалась она в соплях. - Свалил чувак... с концами...

- Кто умер, Фенька?

- Он, геморрой проклятый, мой мастер Гвоздев, уродина, жаба, сталинский жополи, хрущевский жополиз, брежневский жополиз, ничтожество, трус, стукач... Я никого из вас не любила, только его. Мне еще шестнадцати не было, а он меня на пол повалил и сломал мне там все. С тех пор всегда... вот вижу его дом... выхожу на Маяковке и мимо киосчка "Ремонт ключей", мимо "Табака", а на другой стороне журнал "Юность"... помнишь это место?... там почему-то все всегда друг на друга наталкивались... его дом, красно-мраморный цоколь, две арки, ветер свистит, и все волосики у меня поднимаются... Я плевала в его картины, а он закрашивал плевки... сколько вокруг Ленинских рож!... Он рисовал его для души, это, мой милый Велосипедов, были порывы вдохновения... У каждого человека должно быть что-то святое, так поучал он меня, а у тебя, Фенька, нет ничего святого... Ленин был его святыней... А Христос? спрашивала я. Христос - это мода, отвечал он. Видишь, Велосипедов, какое вымирает поколение! Христос - это мода, Ленин - святыня! Вот видишь, какая нынче советчина вымирает! Жадная гадина, он никогда мне не дал ни рубля, он подарил мне однажды коробку с кусочками печенья и огрызками конфет, развратная и грязная тварь, подсовывал своей жене в любимчики... Фенечка-голововокружительный талантлик... Да ведь и старым-то совсем не был... ой-ой-ой... ни одного седого волоса и глазки карие похабненькие... ой, мамочки, не могу... ой, геморрой проклятый, зачем ты сдох?... А если бы ты знал, Велосипедов, как он живопись любил, как

он торчал на голубом и зеленом, хотя красным столько мазал...служил своей распухшей революции...

Она вдруг взревела, что называется белугой на всю Ивановскую, т.е. на Елион Сквер, замкнутый аляповатыми небоскребами той поры, когда не появилась еще на свет американская эстетика. Горизонт по неделности приближался к Москве. Она выла:

- Ой, Велосипедов, все улетает...смотри, все втягивается в воронку, заворачивается, исчезает...Уже и Гвоздя нет...Уходит, линяет Советский Союз, ой, Велосипедов, время его прошло...Не могу! Не верю!

Она затихла, когда я стал целовать ее в щеки и уши. Пальцы ее пролезали в глазницы моей маски, касались мокрых мест, то есть глаз. Я сжимал ее плечи, мы держали друг друга, как малолетние брат и сестра. Смыкалось ли над нами пространство Нью Йорка или необозримо простиралось? Мы были и над дном вулкана и на пике гор. По краю небес шли чередой отблески огня и мрака.

January -June, 1982
Flag Tower of Smithsonian Building
Washington D.C. U.S.A.

Igor Velosipedov invents a bicycle.

